

Скелеты из соседнего подъезда

Почему Людмила Петрушевская так не любит своих героев

Татьяна МОРОЗОВА

В том, что Людмила Петрушевская – классик, нет никаких сомнений. Ее книги выходили во всех возможных видах: от брошюрок на скрепочках и глянцевого томиков в цветочек до собрания сочинений, что есть, конечно же, главный признак “классичности”. Второй признак – суперпрофессионализм, умение работать во всех жанрах – Петрушевская демонстрирует с завидной изобретательностью. Пьесы, повести, рассказы, сказки, даже поэтические столбцы.

Третий признак, который можно сформулировать при помощи самодельного афоризма “Классик должен писать много”, тоже присутствует. На творческий застой Петрушевская не отвлекается, исправно поставляя прозу в журналы. Замечено, что рассказы бытового толка, рассказы-сплетни пинцетом дает в “Знамя”, а сказки о похождениях и приключениях вещей, старичков и детей – в “Октябрь”. Девочки – направо, мальчики – налево. Ну и, наконец, четвертое: Петрушевская – неслучайный участник критических “разборок”. О ее текстах интересно писать, потому и пишут. Притом часто публикуются “парные” материалы (условно “фи” и “ах!”). А как явный лидер русской женской прозы Петрушевская – лакомый кусочек для юных славистов, что предпочли конец XX века началу XVIII.

Два черных томика, вышедших в издательстве “Вагриус” (“Настоящие сказки” и “Дом девушек”), – это как раз “последняя” Петрушевская – рассказчица и сказочница, черная и розовая. Издательству стоило бы хоть однажды изменить цвет обложки – для сказок писательницы, издав их в розовом с черной каймой или в черном горохе, что соответствовало бы содержанию и не нарушало бы имиджа серии.

Поскольку речь идет о литературе классической (уточним все же: поздней советской), есть смысл рассуждать на весьма узкие темы. Например, о странных свойствах

текстов меняться в зависимости от их количества и места опубликования. Почему отдельные рассказы в журнале воспринимаются как любопытные сплетни, виртуозно поведенные умной и чересчур внимательной к разнообразным человеческим грешкам собеседницей, а собранные в книге они пугают как плохо замаскированный радиационный могильник? А сказки – наоборот. В журналах они выглядят этакими недоносками, напечатанными лишь из-за обаяния имени автора. Но здесь вступает в силу закон укропа. Подобно хилым росткам, убедительно пышным лишь в пучке, собранные под одной обложкой сказки кажутся элегантными, а порой и впрямь сказочными.

Но оборотимся лицом к героиням Петрушевской. Вот ведь тема, вот – материал! Посттургеневские девушки. Мы длинной вереницей идём за синей птицей – прекрасная галерея чудных женских образов пера Петрушевской западает в душу так глубоко, что после чтения (особенно на ночь) и в зеркало страшно смотреть – кажется, у всех женщин (и шире – у людей) хищные глазки с узким волчьим зрачком, окровавленные зубки вампира и улыбочка шакала, убедившегося, что давешняя падаль куда-то не убежала, вот она – уойчайтесь. Пир духа.

“Она во главе своей стаи, и вот вам вид: коротковато острижена, какие-то парикмахерские пружинки, дешёвая завивка, мертвые волосы после свежесделанной химии, далее: выщипанные и покрашенные синей черной краской бровки, рот намазанный, разумеется, но тоже как-то дешево. Вся красота, как говорится, из аптеки рупь двадцать баночка”. Это женщина из простых.

Дамы из интеллигенции: “А тут редакционные бабы, затрюханные<...> волосы грязные, это раз. Помада вечно слезает и остается только по краям, дешёвенькая губная помада. Зубы не сказать какие, после обеда в ход идут спички, погружаемые в дупла, три”. Любящий материнский взгляд на слишком повзрослевшего ребеночка: “...а у дочери морда была как комковатая подушка”. Об очень-очень доброй (редкий, скажем прямо, случай) героине: “Облезлая

была баба Оля, кроткий выпученный взгляд из-под очков, перья на головке, тучный стан, широкая нога”. И т.д., как сказала бы Петрушевская, исправно имитирующая интерактивную игру с читателями: “Нормально, да?”, “ау” и т.д.

Под стать внешним прелестям русских женщин и их внутренняя красота. Героини Петрушевской: берут с собой детей, дабы застукать мужа в объятьях любовницы (“Майя из племени майя”); выгоняют из дома беременных жен своих сыновей (“Маленькая Грозная”); читают чужие дневники (“Время ночь”), ненавидят близких (“...дочь ненавидела мать, которую ненавидела и ее, в свою очередь, мать, с двух концов ненавидели” – “Гимн семье”); столь же призрачно относятся к подругам (“...сын их правильно называл “твои подлюги”, не выговаривая буквы “р”, – “Лайла и Мара”)...

Как говорят интеллектуалы, дискурс бесконечен. Чудо человеческого общения. Крошечные семейные радости. Милые, милые. Синяя птица корчится на засаленной сковородке.

Конечно, как писатель профессиональный, к тому же (см. выше) классик, Петрушевская прекрасно знает, как открывать консервы: в каждом из рассказов относительно счастливый конец. Основные хеппиэнды – любовь и смерть, как порознь, так и парой. Но если в каждом отдельном случае этот финальный выход феи Сирени осветляет чело читающего, то на большом пространстве (горсть рассказов или повесть) количество (качественное) гадости напрочь перечеркивает все попытки “сделать по правилам”. Фея Сирени, опозоренная, уходит со сцены, чтобы робко высунуться еще разок с тем же успехом.

Мир прекрасен и удивителен, несмотря на огромное количество нежелательных попутчиков (болезни, зависть, нищета и проч.), – в этом я убеждена, на том стою. Иначе – как же? Так откуда же писательница, обладательница Дара, берет своих героев, этаких человеко-монстров? этих хищников? этих, прямо скажем, сволочуг, “подлюг”? Отчего *только так*?

Оборотимся лицом к миру животных,

где при желании можно отыскать любую аналогию. Вот, например, бегемоты. Когда в жизни этих зверей наступает брачный период, самцы, как положено самцам, всячески фигурируют перед своими дамами. Дерутся и прочее. Однако бегемотиха совсем необязательно выбирает победителя. Своим возлюбленным она признает того мужчину, который, крутясь вокруг себя, дальше и усерднее других разбрызгивает помет. Может быть, и Петрушевская в поисках героев руководствуется тем же принципом? От кого больше грязи – тот и персонаж. Однако в издательской аннотации к “Дому девушек” (а “Вагриус” – издательство грамотное, его мнению можно доверять) читаем: “Герои Петрушевской – люди, с которыми мы встречаемся на работе, ездим в метро, живем в одном подъезде”. Так что же, такие “милые” люди и джентльмены – из нашего (соседнего) подъезда? Сердце, плачь! Но все же, представляется, писательница пишет не о людях, а о тех скелетах, что прячутся обычно по шкафам. Легализация шкафных скелетов – вот он, принцип неестественного отбора. Уймись, приподъезды сплетницы, на тропу обмывания костей выходят профессионалы. Неумолимый рентген. Простейший способ выжать слезу у повидавшего зрителя – ударить прямо на сцене ребенка по голове.

Впрочем, о семейных нечистых тайнах пишут многие – чистое слишком пресно. Отчего же именно Петрушевская достигла такой концентрации всепоглощающего черного цвета? Возможно, дело не в том, что видела, а как смотреть? Ответ нашелся в сказках. “Сам волшебник женщин не любил (так же, как и мужчин), он уважал только слабых стариков, старушек и больных детей, несмотря на их капризы и скверные характеры...” (“Новые приключения Елены Прекрасной”). Так ведь это автор – о себе! Личико, откройся! Волшебница, которая не любит женщин и мужчин (стариков и детей тоже не любит, но жалост – с оговорками). Волшебница, которая не любит людей. Как называет таких волшебниц русский фольклор, мы прекрасно знаем. Правильно – Людмила Петрушевская.